НЕВСКОЕ ВРЕМЯ

«Мы уходили как друзья»

2 сентября 2014 нет комментариев

Подготовка к выводу наших войск длилась четыре года.

В минувшее воскресенье исполнилось 20 лет со дня вывода российских войск из Германии. О значении этого события размышляет тогдашний посол РФ в Бонне Владислав Терехов

31 августа 1994 года… Большинству россиян этот день запомнился по церемонии в берлинском Трептов-парке, на которой Борис Ельцин попробовал себя в роли музыканта и дирижёра. Однако в историю этот день вошёл как дата окончательного вывода российских войск из Германии. Это событие стало с российской стороны жестом доброй воли, продиктованным надеждами на построение «общеевропейского дома». Но насколько сбылись эти надежды? И что эта дата значит сегодня для отношений между Россией и Германией? Обозреватель «НВ», побывавший в Берлине по приглашению российско-немецкого форума «Петербургский диалог», встретился с участниками тех исторических событий и выслушал их ответы на эти вопросы. Первым собеседником стал 81-летний бывший посол России в ФРГ Владислав ТЕРЕХОВ.

– Владислав Петрович, вывод около полумиллиона человек из Германии в Россию – задача не из лёгких. Остаётся только догадываться, какая напряжённая работа шла по дипломатическим каналам. Когда политики стали впервые зондировать почву насчёт сворачивания российского военного присутствия в Германии?

– Согласование условий вывода советских войск началось уже в 1990 году, когда дело пошло к объединению двух немецких государств и стало очевидно, что процесс пройдёт быстро. Переговоры велись по двум международным каналам: между четырьмя державами-победительницами (СССР, США, Великобританией и Францией), с одной стороны, и Германией – с другой, а также между ФРГ и ГДР.

Нас, разумеется, интересует международный аспект. Первоначально договорённость о выводе советских войск из Германии была достигнута после встречи Михаила Горбачёва, Эдуарда Шеварднадзе и Гельмута Коля в Архызе 16 июля 1990 года. А уже в сентябре появился документ. Во исполнение его началась подготовка Договора о временном пребывании и постепенном выводе войск с немецкой территории и о некоторых переходных мерах. И эти соглашения были в итоге подписаны в октябре 1990 года. С того момента, собственно, и пошёл процесс вывода наших войск.

– Могу только гадать, какие страсти кипели за столом переговоров. Какие вопросы решались быстро и легко, а какие вызывали трудности?

– Представьте себе, что это такое – вывести на родину полмиллиона человек! В группировке войск на тот момент насчитывалось до 360 тысяч солдат. Чтобы передислоцировать такую армаду, было необходимо проделать большую работу, стоившую немалых денег.

Конечно, СССР справедливо ждал от Германии, что она полностью покроет все эти расходы, и называл одни суммы. Немцы же старались сэкономить и называли другие. В итоге мы сошлись на 12 миллиардах. В эту сумму входили расходы на строительство жилья для офицеров войск на территории нашей страны, транспортные расходы и расходы на переподготовку военных специалистов. Они же покидали армию, поэтому их требовалось научить другим профессиям.

Пожалуй, самым сложным был вопрос о судьбе недвижимости, находившейся на территории ГДР в распоряжении Советской армии. О чём шла речь? С одной стороны, о недвижимости, принадлежащей немцам, но находившейся в ведении нашей армии. А с другой – о недвижимости, возведённой за наш счёт после окончания войны. Мы ведь строили посёлки, аэродромы, складские помещения, ремонтные заводы и прочие предприятия. Естественно, это стоило нам каких-то денег. Поэтому с Германией мы вели дискуссию о том, за какую цену эту недвижимость можно продать и передать. Мы рассчитывали на миллиарды марок, а немцы считали иначе и предлагали провести пробные аукционы. Разумеется, они организовывали их в свою пользу, поэтому деньги выходили просто смешные.

– Говорят, между Россией и Германией велись ещё и «экологические» споры…

– Да, это так. Немецкая сторона выдвинула нам претензии – погасить тот экологический ущерб, который наша армия причинила Германии. Вы же понимаете, на аэродромах почва была заражена бензином и маслами. На полигонах регулярно проводились учения и гремели взрывы, а

уничтожение взрывчатых веществ – это большая нагрузка на окружающую среду. И представители Германии нам сказали: «За всё это вы должны заплатить». Порой назывались просто фантастические суммы. В результате во время визита в Москву в 1992 году Гельмут Коль договорился с Борисом Ельциным о так называемом нулевом варианте. Суть его сводилась к следующему: мы отдаём Германии всю недвижимость, а немцы освобождают нас от необходимости компенсировать экологический ущерб.

Кстати, ещё один важный момент связан с военными захоронениями. Немецкая сторона приняла на себя обязательства сохранять наши кладбища в надлежащем состоянии.

– В конечном итоге, как вы уже говорили, ФРГ пообещала нам выплатить 12 миллиардов марок за вывод российских войск. Извините за дилетантский вопрос: это много или мало?

– Смотря с чем сравнивать. Я думаю, что говорить о 12 миллиардах марок как о гигантской сумме не вполне корректно. Особенно если мы сравним её с расходами, которые шли у стран Североатлантического альянса на другие цели, в том числе военные.

Прощаясь с Германией, российские военные испытывали смесь радости от возвращения домой и начинающейся ностальгии по стране, в которой прошла часть их жизни.

– Тогда возникает вопрос: насколько равноправным получился компромисс? Может быть, мы пошли на чрезмерные уступки?

– В дипломатии любое соглашение – это результат компромисса. В противном случае речь идёт о банальном диктате. Как оценивать результаты конкретно этого компромисса – зависит от точки зрения. Одни видят в нём только позитив, а другие полагают, что мы слишком сильно уступили. Я полагаю, что многое можно было сделать успешнее и лучше, но для этого требовалась совершенно другая обстановка внутри страны. Не забывайте: объединение Германии совпало по времени с распадом Советского Союза, а это не лучшим образом влияло на положение нашей дипломатии. Когда Шеварднадзе приезжал на переговоры с установкой жёстко отстаивать национальные интересы и одновременно начинал просить о новом кредите, это вряд ли могло усилить наши позиции.

– Может, стоило всё-таки, несмотря на слабость наших позиций, прописать гарантии нераспространения НАТО на Восток?

– Действительно, вопрос расширения НАТО на Восток не был решён юридически, является одним из узловых. И эта проблема всё время затрагивалась во время переговоров наших первых лиц с руководством ФРГ и другими лидерами Запада. В частных беседах с Горбачёвым американский госсекретарь Джеймс Бейкер действительно однажды пообещал: «Если СССР согласится на членство объединённой Германии в НАТО, то альянс не продвинется ни на дюйм в восточном направлении».

Но что всё это означало? Горбачёва впоследствии часто спрашивали о том, почему он не запросил у своего собеседника письменных гарантий. На это он обычно давал такой ответ: «Как я мог, будучи руководителем СССР, говорить от лица всей Восточной Европы?» Мол, тогда существовал Варшавский договор, а действовать в одностороннем порядке он не хотел. Но когда западные лидеры говорили о нераспространении НАТО на Восток, нужно иметь в виду одну хитрую деталь. А именно: что они понимали под «Востоком». Речь шла вовсе не о странах тогдашнего Варшавского договора, а всего лишь о территории к востоку от ФРГ, то есть о тогдашней ГДР. И эта идея, надо признать, нашла отражение в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии. В нём и в самом деле было прописано: «На территории ГДР не будут размещаться войска НАТО». Да, туда могли на законном основании прийти войска ФРГ, но никак не подразделения, находившиеся в подчинении Североатлантического альянса. При этом натовские части могли временно прийти во время учений на территорию ГДР, но после окончания манёвров их надлежало вывести обратно.

– Получается, что не расширять НАТО к востоку от Германии нам никто не обещал.

– Да, никаких обязательств в отношении бывших стран Варшавского договора никто не давал. Хотя, конечно, было целесообразно задуматься о создании более надёжной системы безопасности, которая позволила бы нам уверенно смотреть в будущее в свете появления объединённой Германии. А это требовало определённых письменных гарантий от наших западных партнёров.

Кстати, в дальнейшем, уже после вывода наших войск, Россия и НАТО, пытаясь выстроить нормальные отношения, пришли к соглашению не вводить существенные военные части на территорию восточноевропейских государств. Да, страны бывшего Варшавского договора являлись уже членами Североатлантического альянса, но их военная инфраструктура всё равно не должна была существенно увеличиваться. Но что мы наблюдаем в свете конфликта на Украине? Запад желал бы ввести дополнительные войска на приграничные с Россией территории, но из-за взятых на себя обстоятельств не может этого сделать. Тогда они хотят осуществлять ротацию – сначала придут польские войска, потом их сменят голландские, потом французские и так далее. Конечно, это будет обман. Ведь значительное количество военных подразделений окажется на территориях в непосредственной близости от России.

– В 1994 году, когда наши войска уходили из Германии, многие надеялись на скорое появление «общеевропейского дома», в котором россияне и европейцы будут жить на равных под одной крышей. Насколько эти надежды оправдались? Стал ли мир после окончания холодной войны более безопасным и справедливым?

– Хороший вопрос. Чтобы ответить на него, попробуем сначала понять, зачем наши войска оказались на германской территории. Цель их пребывания состояла в том, чтобы обеспечить неукоснительное соблюдение принятых в Потсдаме решений и – что более важно – гарантировать взаимную страховку той системы международных отношений, которая возникла на руинах Второй мировой войны. Были ли решены эти задачи? Я думаю, да. Пусть и методами холодной войны, но мир в Европе худо-бедно обеспечивался. Во всяком случае, пушки в Старом Свете молчали 45 лет. Тогда две мощнейшие военные группировки отлично понимали, где проходит красная черта, и старались её не пересекать.

Увы, но после краха двуполярного мира международная система вскоре зашаталась, и в Европе после 1991 года вновь заговорили пушки. Мы прекрасно помним последовательность событий – роспуск организации Варшавского договора, переориентацию бывших членов этой организаций на НАТО, их вступление в альянс, распад СССР, войну на Балканах и нынешнюю политику «Восточного партнёрства». То есть сегодня мире безопасность в мире и Старом Свете обеспечивается как минимум не лучше, чем во времена холодной войны.

Почему мы столкнулись с нынешними вызовами? Когда прояснился вопрос об объединении Германии и связанный с ним вопрос о выводе российских войск, на передний план вышла проблема гарантий безопасности в Европе для всех заинтересованных сторон. Но что может России гарантировать безопасность, если наши войска вышли с немецкой территории? Нужна какая-то новая система. Но, к сожалению, никакой дееспособной альтернативы так и не появилось. Российские войска покинули Германию, а американские – нет. Интересно, почему они там остаются? Нам говорят: «На всякий случай» – мол, Европе необходима страховка нынешнего положения. Но, наверное, это далеко не единственная причина американского военного присутствия в ФРГ.

– Неужели через двадцать лет после того жеста доброй воли, который продемонстрировала Россия, Европа опять находится на грани холодной войны?

– Не будем торопиться вступать на эту дорогу и приближаться к этому пути. Вопрос о выводе российских войск рассматривался двадцать лет назад в контексте создания в Европе системы безопасности. Мы уходили как друзья и уходили от друзей. Тогда мы надеялись, что мир на планете будет обеспечиваться не авторитетом Вооружённых сил, а комплексом политических решений на солидной международно-правовой основе.

Сегодня при анализе ситуации в Европе нам всем нужна большая осторожность и трезвость в оценках. Нужно воздерживаться от скоропалительных выводов и прокурорских заявлений. Объективность превыше всего. Особенно в условиях ведущейся сейчас информационной войны. А то, что такая война ведётся, мы прекрасно знаем и понимаем. Пора понять простую истину: рушить – легко, а строить – очень трудно.

Воспоминания очевидцев
Борис Николаевич подошёл к оркестру, попросил палочку»

Гельмут Коль и Борис Ельцин (слева направо) принимают торжественный парад в Берлине 31 августа 1994 года.

Александр Костин, генерал-лейтенант в отставке:
– Я входил в состав Военного совета РФ, тесно сотрудничал с главнокомандующим Западной группой войск генерал-полковником Матвеем Бурлаковым. Тогда для переговоров по выводу нашего контингента организовали две комиссии. Одну из них возглавлял Бурлаков, другую – немецкая сторона. Помню, однажды мы обсуждали вопрос о движимом и недвижимом имуществе. Казармы ведь – недвижимое имущество, поэтому они после ухода войск должны были остаться в Германии. Но немцы нам стали предъявлять претензии, мол, ваши солдаты выносят окна и растаскивают полы. На это Бурлаков ответил: «А что вы хотите? Окно ведь можно разобрать и перенести, значит, это движимое имущество, вот мы его и забираем!»

Особой грусти или сожаления из-за вывода войск из ГДР я не испытывал. Мы хорошо понимали, что содержать наших солдат в условиях объединённой Германии, при полном экономическом коллапсе в России, было просто невозможно. Банально не хватало средств. Ведь теперь за любую неуплату немцы могли, например, отключить электричество, а платить за него мы не могли. Поэтому нужно было искать выход – и мы его нашли, пусть и, наверное, не самый лучший. Может, нужно вывести все войска в Калининградскую область.

Я присутствовал и на знаменитом параде в Берлине по случаю вывода войск 31 августа 1994 года. И могу сказать, что в том пресловутом дирижировании Ельцина оркестром, раздутом на весь мир, не было ничего особенного. Борис Николаевич подошёл к оркестру, попросил палочку, помахал ею секунд 30–40 и пошёл дальше. А миру это представили в таком свете, будто он был не в себе. Напротив, в эти трудные дни Ельцин вёл себя очень достойно. Но если оценивать в целом его внешнюю политику, то я считаю, что он принёс России много вреда. Наша страна тогда столько отдала Германии, ничего не получив взамен! И самое обидное, что всё это делалось втихомолку, без согласия народа.

язык цифр

Всего Германию покинули…

- 546 000 человек
- 338 000 военных
- 207 000 членов семей
- 91 000 детей военнослужащих
- 4000 танков
- 11 500 бронемашин
- 4000 орудий
- 2,5 миллиона тонн материально-технических средств

«Я – последний русский солдат, покинувший немецкую землю»

Антон Терентьев, генерал-полковник в отставке, последний начальник штаба Западной группы войск:
– Судьба так распорядилась, что я был последним русским солдатом, покинувшим немецкую землю. Но до этого нам пришлось провести огромную организационную и чисто физическую работу. Времени для вывода войск было очень мало – всего четыре года. Многие части выводили «в поле», людям не могли предоставить нужных условий для проживания.

Но все трудности разрешались благодаря профессионализму наших солдат и офицеров, содействию немецкой стороны, начиная от руководства и заканчивая простыми гражданами. Немцы делали всё возможное, чтобы русские войска вышли из Германии с высоко поднятой головой. К тому же огромную помощь оказывало российское посольство.

Немецкий и российский народ связывают давние дружеские отношения. Вот вам пример из истории: в 1817 году германский король Фридрих Вильгельм III приехал с визитом к Александру I. Когда его кортеж подъехал к Воробьёвым горам и открылась панорама сожжённой Москвы с обугленными соборами, король Вильгельм приказал: «На колени, господа. Этот город спас нашу Пруссию!» А вот другая история: 31 декабря 1991 года Гельмут Коль в новогоднем обращении сказал: «Несколько дней назад над Кремлём был спущен флаг СССР. Но мы не забудем, что за единство нашей родины мы должны быть благодарны именно ему».

В последний год вывода войск в Германии уже царили ностальгические настроения. Военных из наших оставшихся гарнизонов немцы всё чаще приглашали на различные мероприятия. И когда немцы провожали российских солдат на местах, и во время заключительного парада в берлинском Трептов-парке я сам наблюдал слёзы на глазах у многих людей. Уходили с чувством исполненного долга и с надеждой, что наша дружба с Германией сохранится.

// Михаил Тюркин, Софья Иваненко. Фото ИТАР–ТАСС

http://www.nvspb.ru/tops/my-uhodili-kak-druzya-55268